

П. Шрайнер

Кельнский университет

Кельн, Германия

РАДОСТЬ, ПЕЧАЛЬ, ГНЕВ: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ НАРОДА В ВИЗАНТИИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Эмоции людей – явление, не поддающееся объективному измерению. Автор статьи подтверждает это утверждение на примерах описания государственных переворотов и насильственной смерти императоров, которые приводятся в сочинениях некоторых византийских историков. В статье рассматриваются сообщения Феофилакта Симокатта о смерти Маврикия, Михаила Пселла и Зонары о восстании народа против императора Михаила V, Никиты Хониата о смерти императора Андроника I Комнина. Так как византийская литература выражает эмоции с помощью риторики, то описание событий подчинялось нормам жанра. Автор, изображая события, предполагал реакцию отдельных индивидуумов или групп и передавал ее с помощью шаблонных описаний поведения людей в определенных ситуациях. В статье анализируются языковые и литературные средства, которые использовались византийскими историками при передаче эмоциональных реакций народа на события, связанные с восстаниями и убийствами императоров. Анализ описаний этих событий показывает, что эмоции, приписываемые народу, были столь же различны, как и авторская позиция по отношению к рассказанной истории. Делается вывод, что описание эмоций людей всегда является отражением собственных эмоций автора.

Ключевые слова: Византия; эмоциональный мир византийцев; Феофилакт Симокатта; Никита Хониат; Михаил Пселл; Иоанн Скилица

Цитирование: *Шрайнер П.* Радость, печаль, гнев: несколько замечаний по поводу эмоциональности народа в Византии в литературных источниках. DOI 10.15826/adsv.2020.48.006 // Античная древность и средние века. 2020. Т. 48. С. 96–105.

Поступила в редакцию 01.07.2020

Принята к печати 15.10.2020

Peter Schreiner

University of Cologne
Cologne, Germany

JOY, SORROW, WRATH: SOME CONSIDERATIONS OVER THE BYZANTINE PEOPLE'S EMOTIONALITY IN LITERARY SOURCES

The people's emotions make up a phenomenon not measurable in objective way. This paper's author has confirmed this conclusion by the cases of accounts on treasons and violent deaths of the emperors as described by several Byzantine historians. This paper addresses the accounts of Theophylaktos Symokattes on the death of Maurice, Michael Psellos and John Zonaras on the revolt against Michael V, and Niketas Choniates on the death of emperor Andronikos I Komnenos. Since the Byzantine literature expressed emotions by rhetoric, the description of events followed the norms of the genre. When the author described certain events, he supposed the reaction from particular individuals or groups and reproduced it by clichés describing the people's behaviour in specific situations. This paper has analysed linguistic and literary ways the Byzantine historians used to reproduce the people's emotional reactions on the events related to rebels and murders of the emperors. The analysis of the accounts on the events under study has uncovered that the emotions ascribed to the people were as varied as the author's position towards the story he was telling. The conclusion has been made that the persons' emotions always reflected the author's own emotions.

Keywords: Byzantium; Byzantines' emotional world; Theophylaktos Simokattes; Niketas Choniates; Michael Psellos; John Skylitzes

For citation: Schreiner, P. (2020). Radost', pechal', gnev: neskol'ko zamechanii po povodu emotsional'nosti naroda v Vizantii v literaturnykh istochnikakh [Joy, Sorrow, Wrath: Some Considerations over the Byzantine People's Emotionality in Literary Sources]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 48, 96–105. doi: 10.15826/adsv.2020.48.006

Submitted: 01.07.2020

Accepted: 15.10.2020

«О, слезы, которые мы проливали, когда душу нашу снедала печаль, и, словно дождь из тучи, окропляли наше сердце! Вы – знак сильных страданий и верный признак того, что нечто теснит нам грудь. Иногда же вы течете из наших глаз и от радости»¹. Такими словами Никита Хониат, искусный оратор, историк и политик XII в., описывает состояние народа в период правления деспотичного императора Андроника I

¹ Nicetae Choniatae Historia / Hrsg. von I. A. van Dieten. Berlin, 1975. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae ; 11). S. 295. 54–57.

Комнина, правившего в 1180–1185 гг. Эта цитата представляет собой яркий пример придворной риторики: автор очень эмоционален и выбором именно этих слов – «печаль сердца» (συνοχή ψυχῆς) и «стеснения в груди» (τὸ ἔνδον πνέζοντα) – он стремился передать страдания народа.

Большая российская энциклопедия определяет слово *эмоция* следующим образом: «Эмоции – это класс психических процессов и состояний, отражающих непосредственную субъективную оценку и переживание отношения к различным объектам, явлениям и ситуациям. Эмоции получают выражение в мимике, пантомимике, жестикуляции и характеристиках речи»². В византийских же исследованиях понятие «эмоции» подробно рассматривалось только в области искусства и эстетики искусства³. Исключением являлась статья Маргариты Адольфовны Поляковской, опубликованная в 1992 г., в которой автор в качестве примера выражения личных эмоций выбрала собрание писем Димитрия Кидониса⁴. Некоторые выводы моей статьи должны подчеркнуть значение вклада Маргариты Адольфовны Поляковской, выдающегося ученого, в русскую и международную византистику.

Классическая и, как следствие, византийская литература выражает эмоции с помощью риторики. Как известно, историография была для византийцев одним из видов художественной литературы, «беллетристики», подчинявшимся законам риторики⁵. Само изображение событий не было объективным творческим процессом автора, а подчинялось по форме и стилю тем нормам, которых ожидал от него читатель.

Автор, изображая события, предполагал реакцию отдельных индивидуумов или групп и передавал ее с помощью шаблонных описаний поведения людей в определенных ситуациях. Эти обстоятельства не облегчают изучение истории менталитета (склада ума и образа мыслей), включающего в себя и эмоции, представленные в историческом контексте. Это позволяет сделать, в конечном счете, только анализ языковых и литературных средств, которые использовались при изображении

² Леонтьев Д. А. Эмоции // Большая российская энциклопедия / под ред. Ю. С. Осипова. М., 2017. Т. 35. С. 371–372.

³ Kazhdan A. P., Cutler A. Emotions // Oxford Dictionary of Byzantium / ed. by A. P. Kazhdan. Oxford, 1991. Vol. 1. P. 691–692. Совершенно новый взгляд на эмоциональный характер византийского искусства сформулировала в своих исследованиях Б. Пентчева, см.: Pentcheva B. V. Hagia Sophia: Sound, Space and Spirit in Byzantium. University Park, 2017.

⁴ Поляковская М. А. Эмоциональный мир византийца // АДСВ. 1992. Т. 26. С. 134–141. Статья была перепечатана в: Поляковская М. А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 11–18.

⁵ А. П. Каждан включил понятие «эмоции» в индекс, см.: Kazhdan A. P. A History of Byzantine Literature (650–850). Athens, 1999. Понятию «эмоции» посвящена работа М. Хинтербергер, см.: Hinterberger P. Phthonos. Missgunst, Neid und Eifersucht in der byzantinischen Literatur. Wiesbaden, 2013.

Несколько замечаний по поводу эмоциональности народа в Византии эмоций, так как делать конкретные выводы об исторических событиях трудно даже тогда, когда автор был их свидетелем.

В своей статье я хочу проиллюстрировать это утверждение несколькими примерами поведения составной части византийского общества, а именно – народа. Но перед тем как перейти к примерам, следует задать себе вопрос: а кто именно в Византии относился к народу? Как это понимали те, которых мы в историческом контексте называем «византийцами»?

В Византийской империи, по сравнению со средневековым Западом, понятие народа империи (или «ромеев») существовало уже с VI в. и основывалось на единстве языка, единой вере и единой императорской власти с административно-политическим центром в Константинополе. Византийцами воспринимали себя люди, живущие в границах Византийской империи. Понятие «народ» охватывало все население империи – его обозначали словом *πολιται*, т. е. всех, за исключением императора. На одной стороне, в юридическом смысле, находился император, а на другой – народ. Однако этот «народ» не был однородной массой и различался по своему социальному статусу и по месту проживания (город или деревня, центр или провинция), и только по этим критериям мы можем рассматривать единство и разобщенность народа.

Когда византийские авторы говорят о народе, используя при этом разные античные термины, они подразумевают при этом не самих себя, т. е. господствующую элиту, а ту часть населения, которая больше была подвержена изменениям под влиянием исторических событий, чем они сами⁶. В глазах автора народ редко представляет собой единое целое, как это было, например, в определенной ситуации у Евстафия Солунского, когда город был захвачен норманнами. Это дифференцированное, постоянно изменяющееся определение «народа» усложняет изучение его эмоциональности. Бедственная ситуация, например, захват города неприятелем, может объединить все население империи: «Пойдите в церковь, посмотрите на людей, собравшихся там, и спросите себя, кто из них богат, а кто беден. Кто из них священник, а кто – народ? Ибо у всех у них одинаковые выражения лиц и одинаковая внешность»⁷.

Народу только тогда придется поддающаяся анализу эмоциональная роль, когда историк связывает ее с определенным политическим процессом. Как заметил Никита Хониат, это обычно касается народных вол-

⁶ Подробно о понятии «народ» см.: *Schreiner P. Stadt und Gesetz – Dorf und Brauch. Versuch einer historischen Volkskunde von Byzanz: Methoden, Quellen, Gegenstände, Beispiele // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse. 2001. № 9. S. 9–12.*

⁷ *Kyriakidis St. Eustazio di Tessalonica, La espugnazione di Tessalonica. Palermo, 1966. P. 124, 9–16.*

нений в период смены правителя⁸. Исследование Жан-Клод Шейне показало, что и этот вывод не следует обобщать⁹. В период с 963 по 1210 г. в Византийской империи произошло 223 народных волнения, но только в 14 из них народ с самого начала был protagonистом, т. е. движущей силой. В половине этих случаев, а именно в семи, волнения происходили в Константинополе. В 39 случаях, т. е. в 18 %, народ присоединился к протесту позднее, из них в 17 случаях – в Константинополе. Таким образом, неправомерно утверждение, часто встречающееся в литературе, что только в Константинополе народ был политически активен. Скорее верно то, что все подробные сообщения о такого рода событиях касаются Константинополя и связаны с присутствием в нем императора. Обратимся теперь к литературным примерам проявления эмоций, касающихся императоров Маврикия, Михаила V и Андроника I.

Насильственная смерть императора не была редкостью в Византии¹⁰. Казнь Маврикия была инсценирована как театральное представление и оставила свой след в истории: сначала отсекли головы сыновьям на глазах отца, потом отсекли голову самому отцу и, наконец, насадили эти головы на колья и выставили на всеобщее обозрение, в то время как тела казненных были брошены в воду. Все это произошло в Халкидоне, на противоположном, азиатском, берегу столицы. Тела казненных стали «игрушкой волн» и «оплакиваемыми предметами в волнах прибоя», морское же течение «радовалось, снова и снова возвращая их себе ударами волн». С таким театральным пафосом описывает эти события представитель следующего поколения, Феофилакт Симокатта, который наверняка не был их свидетелем¹¹. Казнь была для толпы (историк употребляет здесь слово *ὄχλος*) развлечением, зрелищем. Берега Халкидона заполнили массы людей, что «отражало их неразумность». Подробной оценки эмоциональной реакции толпы автор не дает: была ли это радость, печаль или просто любопытство. Историк Феофан свое краткое описание казни сопровождает холодным комментарием, оговариваясь *φασὶν τινες*: когда казнили младшего сына императора, которого держала на руках кормилица, «молоко и кровь текли, смешавшись, и у всех в этот момент выступили на глазах слезы»¹². Феофилакт вообще особо подчеркивает аспект сочувствия. К описанию казни он присоединяет

⁸ «Беспорядки, которые почти всегда сопровождали [воцарение] нового правителя». Nice-tae Choniatae Historia... S. 49. 43–45.

⁹ Cheynet J.-Cl. Pouvoir et contestation à Byzance (963–1210). Paris, 1990.

¹⁰ Guillard R. La destinée des empereurs de Byzance // Études Byzantines / ed. by R. Guillard. Paris, 1959. P. 1–32.

¹¹ Theophylactae Simocattae Historiae / Hrsg. von C. De Boor. Leipzig, 1887. S. 304. 17–305. 19; 306. 12–307. 4.

¹² Theophanis Chronographia / Hrsg. von C. De Boor. Leipzig, 1881. Bd. I. S. 290. 9–11.

Несколько замечаний по поводу эмоциональности народа в Византии фиктивную скорбную речь, обращенную к читателям через десятилетия, и, якобы, вызвавшую у аудитории потоки слез¹³. В действительности же автор изображает свои собственные чувства, не имеющие ничего общего с горькими фактами действительности. Совершенно иначе видит смерть императора Маврикия одна сирийская легенда. В ней императора предают огню, который и на костре продолжал восхвалять Бога, пока пламя полностью не охватило его тело. Однако люди – в тексте не говорится, из страха или от печали, – сидели по домам и оттуда слушали хвалебные гимны казнимому императору¹⁴. В обоих описаниях наблюдается одна и та же тенденция: стыд рассказчика за злодеяние, которое и у народа должно было вызывать чувство сострадания.

Длившееся всего четыре месяца, но полное событий правление Михаила V (с декабря 1041 г. по апрель 1042 г.) нашло свое отражение в произведении, ставшем блестящим примером всей византийской литературы того времени, – Михаила Пселла. Смещение и ссылка законной правительницы стоили Михаилу V трона и жизни. Сначала Пселл дает очень четкое определение, что он понимает под «народом» – весь город, т. е. люди любого пола, любого возраста и любого образа жизни¹⁵, включая как самого автора, так и людей его социального круга. Когда весть о смещении императрицы распространилась по всему городу, стало очевидно, что всех охватила скорбь¹⁶. Автор описывает это внутреннее состояние скорби как болезнь души: «Как в дни великих и всеобщих потрясений души людей чернеют от горя и, не в силах прийти в себя, они вспоминают о пережитых бедах и ожидают новых, так и тогда страшное отчаяние и неутешное горе вселилось во все души»¹⁷. Дважды в одной короткой фразе Пселл употребляет слово «душа» (ψυχή). Приходит на память «томление души» (συνοχή ψυχῆς), которое у Никиты Хониата вызывает слезы¹⁸. Такая психологическая риторика отсутствует у других авторов, описывающих те же события. Столетием позже Иоанн Зонара так передает эти события: «Когда драма (δράμα) судьбы императрицы стала известна жителям города, всеми овладели

¹³ Сохранились только фрагменты речи, см.: Theophylactae Simocatae Historiae... S. 307. 12–21.

¹⁴ Schreiner P. Der brennende Kaiser. Zur Schaffung eines positiven und eines negativen Kaiserbildes in den Legenden um Maurikios // Byzance et ses voisins: mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance / ed. by T. Olajos. Szeged, 1994. P. 25–31.

¹⁵ ἡ δὲ γὰρ ξύμπασα Πόλις (λέγω δὲ πᾶν γένος καὶ τύχην καὶ ἡλικίαν): Michaelis Pselli Chronographia / Hrsg. von D. R. Reinsch. Berlin, 2014. Bd. 1. S. 93 (V, 25).

¹⁶ πενθοῦσαν ἦν ὅραν τὴν Πόλιν ξύμπασαν: Ibid. S. 93. 9.

¹⁷ Ibid. S. 93. 10–13.

¹⁸ См. прим. 1.

уныние и горечь, отовсюду слышались плач и жалобные стенания»¹⁹, – деталь, которую Зонара почерпнул из прочтения использованного им как основы произведения Пселла, писавшего о том, что женщины вели себя, как менады²⁰.

Описание Иоанна Скилицы выдержано в сухом протокольном стиле. У него народ не скорбит, а произносит знаменитую фразу, сопровождающую свержение правителя: «В землю кости Катафатера»²¹.

Опять-таки Пселл особенно красочно изображает эмоции народа, описывая процесс его вооружения. В то время как верхние слои населения запаслись настоящим оружием, простой народ (ὁ ὄχλος), видимо, посчитал достаточным вооружиться камнями²². Упуская такого рода детали, Зонара ограничивается высказыванием: «Народ бушевал»²³. Это «бушевание» Пселл характеризует следующими словами: «душераздирающие крики народа», причем автор здесь опять употребляет слово «душа» (ψυχή)²⁴. Употребляемое до этого выражение τῆς ψυχῆς κατὰστασις (т. е. «скорбь») больше не встречается: «Всех охватил сильный порыв» (κρείττονος μετεσχηκότες πνεύματος), «глаза блеснули огнем энтузиазма» (τῶν ὀφθαλμῶν αἱ βολαὶ πυρώδεις τὲ ἐνθουσιῶσαι)²⁵, «и только когда законная правительница показалась на балконе, буря гнева (λῆξαι τὰ τοῦ θυμοῦ πνεύματα) улеглась»²⁶. Однако сердца народа успокоились лишь тогда, когда смещенный император показался народу в монашеском облачении. Пселл при этом, конечно, снова говорит о ψυχή, которая «успокоилась» (αἰρεται)²⁷. Зонара и здесь остается верен своему сухому тону: «Народ не знал, как скрыть свою радость (χαρά) и сочинил насмешливые песни про императора»²⁸. Три известных литератора описали реакцию народа в этой необычной ситуации, но это была все же их собственная точка зрения. Никто из них не записал слов народа.

Настоящим кладом для изучения эмоций народа в глазах литераторов оказались два года правления Андроника I, описанные в исто-

¹⁹ Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII–XVIII / Hrsg. von Th. Büttner-Wobst. Bonn, 1897. S. 610.

²⁰ μαινάδων δίκην ἐφάρετο: Michaelis Pselli Chronographia... S. 94. 3–7 (V, 26).

²¹ Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. München, 1966. S. 44.

²² Michaelis Pselli Chronographia... S. 94. 1–5 (V, 27).

²³ Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII–XVIII... S. 610.

²⁴ διέσεισε τὰς τῶν πολλῶν ὁ ἥχος ψυχᾶς: Michaelis Pselli Chronographia... S. 95 (V, 27).

²⁵ Ibid. S. 95. 1–4 (V, 28).

²⁶ Ibid. S. 97. 1–15 (V, 32).

²⁷ Ibid. S. 100. 6 (V, 38).

²⁸ Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII–XVIII... S. 612.

Несколько замечаний по поводу эмоциональности народа в Византии рическом трактате Никиты Хониата. Для Хониата «народ» – это всегда «простой народ», над которым возвышается придворная элита: «Простоватые, совершенно неграмотные жители Константинополя, особенно колбасники, дубильщики, все те, кто целый день проводит в мелочной лавке, или сапожники, влачащие почти нищенское существование, или те, кто зарабатывает свой хлеб портновской иглой»²⁹. Легко заметить, что Никита следует здесь античному определению простого народа как людей, зарабатывающих хлеб трудом своих рук, и в античных Афинах называемых βάναιοι. Никита Хониат особенно подчеркивает их любопытство и любовь к зрелищам: «Несмотря на невыносимый запах горелого мяса, исходивший от сжигаемого преступника, народ спешил к месту казни»³⁰. Когда Исаак Ангел, ставший впоследствии императором, убил приспешника Андроника, тысячи жителей города (τὸ πλῆθος τῆς πόλεως) собрались посмотреть, что же будет с Исааком, и «с восторгом» (μεθ' ὀρμῇ)³¹ провозгласили его императором. Этим судьба Андроника была решена, и его отдали толпе на растерзание.

Народ, как тучи мух, «слетался со всех сторон» и садистски мучил императора³². В византийской литературе нет другого места, где бы так красочно изображались жестокость и гнев народа. Но автор занимает четкую позицию по отношению к этим событиям: «Это было жалкое зрелище (θεάμα ἐλεεινόν), вызвавшее из [моих] сочувствующих глаз (ἡμέροις ὀμμασι) потоки слез»³³.

Из всех византийских авторов, упомянутых в настоящей статье, Никита выразил наиболее негативное мнение об эмоциях народа, которое, в конечном счете, все же отражает его собственные эмоции – ученого, которому реакции и действия народа были глубоко противны.

Эмоции народа нашли свое отражение и в изобразительном искусстве. Одна из миниатюр в мадридской рукописи Скилицы показывает народ, поднявшийся против Михаила V, и иллюстрирует текст, описывающий, как беззащитные и безоружные жители с кольями и камнями в руках выступили против вооруженных, и три тысячи из них сложили головы в неравной борьбе. Иллюстрация как бы комментирует и то место в тексте Пселла, в котором ὄχλος, вооружившись камнями, выступал против императора³⁴.

²⁹ Nicetae Choniatae Historia... S. 349. 14–18.

³⁰ Ibid. S. 311. 86–89.

³¹ Ibid. S. 345. 81.

³² Ibid. S. 349. 18–350, 38.

³³ Ibid. S. 349. 13–14.

³⁴ *Tsamakda V*. The Illustrated Chronicle of Ioannis Skylitzes in Madrid. Leiden, 2002. Fig. 522 (fol. 220r).

Миниатюра из Мадридской рукописи сочинения Иоанна Скилицы.
Середина XII в.

A miniature from the Madrid manuscript of John Skylitzes' book.
Middle twelfth century

Эмоции не являются исторически измеримым и объективным феноменом. На примере некоторых значительных исторических произведений, в которых изображены важные события того времени – восстания и смерть правителя, мы показали, что описанные эмоции различаются в зависимости как от вызвавших их причин, так и от авторского стиля их анализа. Эмоции, приписываемые народу, столь же различны, как и позиция писателя по отношению к рассказанной им истории, поскольку описание реакции людей всегда является зеркалом собственных эмоций автора.

REFERENCES

- Beck, H.-G. (1966). *Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Büttner-Wobst, Th. (Ed.). (1897). *Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII–XVIII*. Bonn: Imp. Ed. Weberi.
- Cheyne, J.-Cl. (1990). *Pouvoir et contestation à Byzance (963–1210)*. Paris: Publ. de la Sorbonne.
- De Boor, C. (Ed.). (1881). *Theophanis Chronographia* (Vol. 1). Leipzig: B. G. Teubner.
- De Boor, C. (Ed.). (1887). *Theophylactae Simocattae Historiae*. Leipzig: Teubner.
- Dieten, I. A. van. (Ed.). (1975). *Nicetae Choniatae Historia*. Berlin: De Gruyter.

Несколько замечаний по поводу эмоциональности народа в Византии

Guilland, R. (1959). La destinée des empereurs de Byzance. In R. Guilland (Ed.), *Études Byzantines* (pp. 1–32). Paris: Presses Universitaires de France.

Hinterberger, P. (2013). *Phthonos. Missgunst, Neid und Eifersucht in der byzantinischen Literatur*. Wiesbaden: Reichert.

Kazhdan, A. P. (1999). *A History of Byzantine Literature (650–850)*. Athens: National Hellenic Research Foundation Institute for Byzantine Research.

Kazhdan, A. P., & Cutler, A. (1991). Emotions. In A. P. Kazhdan (Ed.), *Oxford Dictionary of Byzantium* (Vol. 1, pp. 691–692). Oxford: National Hellenic Research Foundation Institute for Byzantine Research.

Kyriakidis, St. (1966). *Eustazio di Tessalonica, La espugnazione di Tessalonica*. Palermo: Istituto siciliano di studi bizantini e neoellenici.

Leont'ev, D. A. (2017). Emotsii. In Yu. S. Osipov (Ed.), *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia* [The Big Russian Encyclopedia] (Vol. 35, pp. 371–372). Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia.

Pentcheva, B. V. (2017). *Hagia Sophia: Sound, Space and Spirit in Byzantium*. University Park: the Pennsylvania State University Press.

Poljakovskaja, M. A. (1992). Emotsional'nyi mir vizantiitsa [The Emotional World of the Byzantine]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 26, 134–141.

Poljakovskaja, M. A. (2003). *Vizantiia, vizantiitsy, vizantinisty* [Byzantium, Byzantines, and Byzantinists]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Reinsch, D. R. (Ed.). (2014). *Michaelis Pselli Chronographia* (Vol. 1). Berlin: Walter De Gruyter.

Schreiner, P. (1994). Der brennende Kaiser. Zur Schaffung eines positiven und eines negativen Kaiserbildes in den Legenden um Maurikios. In T. Olajos (Ed.), *Byzance et ses voisins: mélanges à la mémoire de Gyula Moravcsik à l'occasion du centième anniversaire de sa naissance* (pp. 25–31). Szeged: Generalia.

Schreiner, P. (2001). Stadt und Gesetz – Dorf und Brauch. Versuch einer historischen Volkskunde von Byzanz: Methoden, Quellen, Gegenstände, Beispiele. *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse*, 9, 3–96.

Tsamakda, V. (2002). *The Illustrated Chronicle of Ioannis Skylitzes in Madrid*. Leiden: Alexandros Press.

Шрайнер Петер

доктор наук, профессор
Кельнский университет
Кёльн, Альбертус-Магнус-Плац,
50923, Германия
E-mail: peter.schreiner@uni-koeln.de

Schreiner, Peter

Dr. phil., Dr. h. c. mult
University of Cologne
Albertus-Magnus-Platz, Cologne,
50923, Germany
E-mail: peter.schreiner@uni-koeln.de